
ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.13)*

УДК 101

А.И. Бобков*Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия*

iab71@inbox.ru

С.А. Гальцев*Иркутский национальный исследовательский университет**г. Иркутск, Россия*

gans1958@mail.ru

**ПРОБЛЕМА КВАЗИРЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
КАК ОСНОВА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ
САМОБЫТНОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*****[Alexandr I. Bobkov, Sergey A. Galtsev*****The problem of quasi-religious worldview****as the basis of self-actualization of the identity of Russian philosophy]**

The resurgence of Russian philosophy, its self-determination as an eternal disciple is adjacent to the desire to actualize new beginnings in philosophy as its still unfulfilled project. New beginnings require an understanding of Russian thinking as a rebuttal of the end of ethnic subjectivity within the bourgeois picture of social being. The phenomenon of quasi-religious so easily attributed to the spiritual state of the Russian people in the conditions of Soviet culture should not be interpreted as some kind of unopposed worldview. This worldview was refuted by referring to its specificity as the refusal of the ethnos to be a subject. Russian philosophy, faced with quasi-religious before all, first spoke about the impossibility of philosophy within its framework without returning to the possibility of acquiring ethnic subjectivity within the framework of a real religion, understood as the only way to return a synergistic beginning to the history of Russia.

Key words: Russian philosophy, ethnocultural identity, religious experience, ethnic subjectivity, quasi-religion, sobriety, mass, Orthodoxy, originality.

Немаловажной особенностью русской мысли является сосуществование в ней аполитичности (утопии) и идеологизации. Анархическое аполитичное (утопическое) начало в ней сочетается с устойчивой национальной идеей,

воплощенной в вере в собственную государственность как таящую последнюю истину справедливого властвования (С.С. Аверинцев). Государству прощается все, ибо за его волей видится воля Божия. Как отмечает Ю.А. Шестаков: «Российская политическая культура основывалась исключительно на идее сакральности власти. Она формировалась в России на заре существования российской государственности, когда закладывалась духовная матрица ее дальнейшего развития, и находилась в тесной связи с трактовкой массовым сознанием миссии государства, разнящейся с западноевропейскими воззрениями на этот вопрос» [6, с. 46].

Состояние «Бога нет» для русской мысли и желанно, с одной стороны, и противно, с другой. Она, скорее всего, стремится к осознанию того, что «Бог не познан», нет религиозного опыта, но есть социальная справедливость, а ее постижение к Богу и ведет. Последнее царство, верящее в социальную справедливость и это аксиома русской мысли, столь особенная, что вполне вызывает состояние бунта, с утверждением атеистического характера философии как необходимости. Можно сказать, что особенностью русской философии является ее религиозно-квазирелигиозный характер, богоискательский атеизм и еще масса антиномий [3].

Русская философия безгранична, она воюет с системами экзистенциально, для нее разум, если он делает из человека «двуногое животное», не является основой мудрости, он для нее враг, подавляемый волей. Она интуитивно направляет разум на постижение проблем иной связи разума и чувства, нежели логическое подчинение рассудку. Логика как искусство правильного мышления не является окончательным путем к мудрости, ведь зачастую нелогичное только кажется таковым, и требует новой логики опрокидывая то, что до этого казалось незыблемым.

Извечные вопросы русской интеллигенции «Кто виноват?» и «Что делать?» в русской философии преодолевают политический окрас поиска социального врага (К. Шмитт). После духовного преодоления они ставятся русской мыслью в православном дискурсе более тонко и трагично (Л. Шестов). Первый вопрос заключается в усмотрении того «Кто виноват в устранении божественного логоса из русского устроения?» не логики, а логоса как слова животворящего, слова безмолвствующего молитвенника. «Что делать для его нового появления?». Русская философия интуитивно чувствует неполноту

мудрости без логоса. Она не вступает в полемику как состязание, но стремится полемизировать с теми, кто стремится превзойти духовный подвиг понимания многознанием (В.В. Розанов).

Русскую философию упрекают в ее неспособности к ограждению собственного народа от тяжких бедствий, выпавших на его долю в XX веке. В ее непрактичной борьбе с социальным экспериментированием. Это еще одна из особенностей русской философии. Только способна ли какая-то иная философия предотвратить бедствие разрыва двух культур, которое испытывает Россия уже три столетия. Это не есть ли задача русской философии, делающая ее уникальной скрипкой в оркестре мировой философии?

Мы вполне справедливо должны методологически указать на то, что проблемы «Специфика философии в России» и «Самобытие русской философии» совсем разные по своей сути. Если первая имеет своей целью знакомство с мыслью античности, Востока и западной мыслью, то вторая хочет реконструировать вопрошание о вечных вопросах философии во все эпохи существования православной цивилизации на российских просторах. Русская философия в этом ракурсе была соединена с русским богословием, шла его путями и вполне не соответствует в своем историческом развитии философии Запада (Г.В. Флоровский, С.С. Хоружий).

Устранение логоса из умустройства как торжество квазирелигиозности (П. Тиллих) или пошлости (И.А. Ильин) в лоне русской культуры воплотилось в трех революциях: петровской, ленинской и ельцинской. Первая может быть названа процессом создания двух народов внутри пространства русской цивилизации одного религиозного, а другого квазирелигиозного. Вторая может быть обозначена, как восстание квазирелигиозных масс и наконец, третья как революция квазирелигиозных менеджеров. Во всех трех случаях наблюдается искажение русского православного мышления. В первом случае оно запускает тотальную денационализацию, во втором тотальную технократизацию, в третьем случае тотальную массовизацию. Во всех трех случаях религию делают непричастной к творению общества и мышления субъекта. Как отмечает один из авторов данной статьи и О.А. Кармадонов: «Этнос-конструкт вполне вписывается в навязываемую картину мира тем, что его бессубъектный характер недоступен большинству мыслящих субъектов. Познание социального бытия без религии приводит к познанию социального бытия без продолжающегося процесса этнической субъективации.

Однако этот факт в гносеологии сегодняшнего дня не изучается или признается заблуждением» [2]. Такая непричастность достигается путем демонстрации невозможности сосуществования индивидуальности и православного дискурса. Православный дискурс вновь и вновь утверждает ту самобытную черту русской культуры, которую можно согласившись с Ю.А. Шестаковым обозначить как «добровольное отрешение от личного благополучия и безграничное терпение во имя достижения общих высших сакральных идеалов, неотъемлемых от идеологии государства, более релевантным является утверждение того, что интересы государства, личности, общества были слиты в России нераздельно, воспринимались каждым членом социума как свои» [6, с. 48].

Конечно, если идею индивидуальности считать заложенной только в сконструированном индивиде католико-протестантского мира, то православие не может быть тем искомым началом способным к преодолению не устраивающей западный мир природы. Очевидный факт, что он присвоил себе право на определение смысла человеческого существования и наследования античной культуры становится невидимым.

Более того из средневекового мира вытеснена огромная Византийская империя, чтобы не разрушать эту преемственность между античностью и квазирелигиозной средневековой Европой [5, с. 49]. Только такой путь квазирелигиозного развития истории и общества является смыслом истории всего человечества. Ведь все альтернативы исчезли или исчезают. Более того в пространстве мысли они безмолвствуют или ищут нерационального немислимого. В общем, пытаясь нарисовать картину мира вне властного рационализма политико-экономического характера, они были обречены на гибель.

Русская мысль после прививки комплекса европейской неполноценности вдруг начинает обнаруживать то, что она нечто унаследовала и более того сохранила и может на этом построить новое здание философского мышления. Необходимость новых начал философии русские мыслители осознали тогда, когда увидели реального коллективного субъекта сопротивляющегося тотальной массовизации собственного самосознания. Они увидели народ с его целостным мышлением, имеющим свою особенную философскую картину мира, обозначившую иную задачу философии, нежели защита агрессивного атеистического индивидуализма. Русская философия уничтожила вертикаль истории, где религия побеждала мифологию, а философия религию. Они вновь стали на

одной плоскости, а это значило, что и наука не может быть неким великим исключением. Продолжая русскую самобытность философии И.А. Ильин, вслед за К.С. Аксаковым утверждал: «Философствовать, значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни» [4, с. 31].

Исходя из констатации отсутствия, как начала философствования, можно обозначить два философских направления русской мысли. Одно обозначить самобытно-креативное, а другое – экзистенциально-нигилистическое. Первое направление устанавливает, что отсутствие вторично, а второе не сомневается в его первичности. И в том и в другом случае философия представляет собой освоение новых территорий, в первом случае основательно забытых, а во втором случае еще не встречавшихся в человеческом опыте. Но в обоих случаях мы видим необходимость установления бытия человека в этих условиях и здесь, пока нет людей, следующих уже осмысленному мудрецом носителем религиозного опыта, упорядоченному им же пространству. В русской философии через отрицание себя как необходимо превосходящей религию и мифологию мы сталкиваемся воочию с религиозным опытом как превоначалом философии. В доказательство наших слов приведем следующее высказывание И.А. Ильина: Философия не мистифицирует ни себя, ни других. Она может и должна быть вполне свободна от суеверия, когда человек достаточно «верит», чтобы бояться, и не достаточно «верит», чтобы не бояться, «верит» от страха и боится от «веры», унижая себя своею «верою» [4, с. 20].

Отчетливым видением русской философии стало определение квазирелигиозности как конструирования социальной реальности без народа. Чтобы состоялась квазирелигия, необходимо бессилие народа, отрекшегося от собственного Бога (Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше). Бог это ничто, утверждает квазирелигия любого уровня. Его создает человек с целью оправдания своего бессилия перед природой. Он не хочет быть повелителем бытия, царем природы и поэтому с ней осторожно обращается. Для квазирелигии воцарение над природой, по сути, есть акт воцарения человека над человеком. Появление субъекта и объекта власти. Только для религиозного сознания такое отношение между людьми неприемлемо. Возможно, религия и есть постоянное разрушение этой конструкции. Она, по сути, есть постоянная смена субъекта власти и временность непостоянство объекта. Объект власти в религии ускользает, он меняет эту иерархию на противоположную, но не упивается ей. Легко отказываясь от

своего собственного положения господина. Делает он это, уповая на легитимацию своих действий в народном соборном сознании. Как отмечает С.Н. Зенкин: «Парадоксальная диалектика истории: радикальное уничтожение суверенности развернулось в России потому, что капитализм не успел вытравить из сознания русского народа феодальную «ностальгию по суверенам»; десакрализация власти стала возможной (если не реальной) именно в силу сохранившихся здесь представлений о сакральной власти» [1, с. 45].

Справедливости ради следует отметить, что квазирелигия это заметила сразу, поэтому выделив субъект она устанавливает невозможность возвращения того состояния взаимодействия, с одной стороны, и отчуждение этого субъекта от той социальной среды, воздействием которой он был произведен. Сокрушается этническая картина мира, ее делают лишенной смысла, ибо не она порождает субъект власти и самосознания. Рушится связь религии с народом. Устанавливается неспособность народа к религиозному и социальному творчеству. Народ это несвобода, а его этническая картина мира это заблуждение. Заблуждением это называется потому, что за квазирелигией теперь остается право определять: «Что такое знание?» и «Что есть истина?».

Русская этнокультурная идентичность устанавливает иное происхождение философии и человека, диспозиция царя природы для нее заблуждение уничтожаемое языком. Поэтому квазирелигия запрещает субъекту власти его родной язык. Рождение субъекта власти теперь диктуется не исторической ситуацией, когда прозревший раньше спасает всех, а когда он заговорил на чужом для его соплеменников языке, тем самым уничтожив этническую картину мира как предельное знание, необходимость которого и есть актуализация философии. Он предположил в качестве отрицания самобытности русской философии тотальную неспособность русского этноса к знанию и самосознанию. Квазирелигиозный субъект власти создал для русских ту историю философии, где этнос престал быть культуросозидающим самобытность мысли субъектом и стал объективированной массой.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Батай Ж.* «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с франц. М.: Ладомир, 2006.

2. *Бобков А.И., Кармадонов О.А.* Религиозный опыт как фундирующее начало этнической субъектности // Социодинамика. 2017. № 3. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_22155.html
3. *Бобков А.И., Решетников В.А.* Связь этнического самосознания с религиозным опытом как проблема российского философского мышления // Социодинамика. 2017. № 5. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_20480.html
4. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
5. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / Пер. англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2003.
6. *Шестаков Ю.А.* Справедливость в контексте аксиологической матрицы российской цивилизации: культурфилософский анализ // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4.

R E F E R E N C E S

1. *Batay J.* "The Damned Part": Sacral Sociology / Trans. from French. М.: Ladamir, 2006.
2. *Bobkov A.I., Carmadonov O.A.* Religious experience as a fundative beginning of ethnic subjectivity // Sociodynamics. 2017. No 3. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_22155.html
3. *Bobkov A.I., Reshetnikov V.A.* Connection of ethnic identity with religious experience as a problem of Russian philosophical thinking // Sociodynamics. 2017. No 5. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_20480.html
4. *Ilin I.A.* Religious Meaning of Philosophy. М.: "ACT Publishing House", 2003.
5. *Toynbee A.Dzh.* Understanding History / Trans. from English E.D. Zharkova. М.: Iris Press, 2003.
6. *Shestakov Y.A.* Irritability in the Context of the Axiological Matrix of Russian Civilization: Cultural Phylosophical Analysis // Humanities and Social Sciences. 2016. No 4.

06 февраля 2020 г.